

© 2024 г. А.А. ЩЕЛЧКОВ

СОЮЗНИКИ ПОНЕВОЛЕ: СССР, КОМПАРТИЯ АРГЕНТИНЫ ПЕРЕД ЛИЦОМ ВОЕННОЙ ДИКТАТУРЫ (1976–1983)

Щелчков Андрей Аркадьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: sch2000@mail.ru

Scopus Author ID: 57200153001; ORCID: 0000-0002-7780-781X; Researcher ID: T-8612-2018
Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2024-537).

Аннотация. Данная статья ставит перед собой задачу исследовать сложные и противоречивые отношения между Коммунистической партией Аргентины (КПА), Советским Союзом и военным режимом в Аргентине в 1976–1983 гг. В это время в регионе преобладали праворадикальные военные диктатуры, отличавшиеся открыто террористической политикой в отношении левых сил, массовыми нарушениями прав человека, что ставило в двусмысленное положение международное коммунистическое движение ввиду тесного сотрудничества СССР и аргентинской военной хунты. В отношениях СССР с военным режимом в Аргентине сложилась уникальная ситуация их взаимной заинтересованности. Важнейшим фактором этого противоречивого положения была поддержанная КПСС позиция компартии Аргентины сотрудничества с режимом, который другие компартии и левые силы квалифицировали как фашистский, ультрареакционный и антикоммунистический. СССР находил морально-политическое оправдание своего сотрудничества с аргентинским режимом в политике местных коммунистов, поддерживавших режим и оправдывавших его репрессии против леворадикальных движений, прежде всего монтонерос. В свою очередь, компартия Аргентины, оправдывая свою политику, ссылалась на растущее сотрудничество хунты с СССР. В статье исследуются причины такой политики компартии, вызвавшей напряжение в международном коммунистическом движении и последующую изоляцию КПА. Конкретные политические интересы СССР находили поддержку у аргентинских коммунистов, которые равным образом видели в них гарантию защиты своих интересов в условиях жесткого правого военного режима в стране. Впервые вводимый в научный оборот ряд документов из архива ЦК КПСС позволяет комплексно проанализировать сложный процесс координации внешнеэкономических и политических интересов СССР в Аргентине в этот острый период холодной войны.

Ключевые слова: Аргентина, СССР, внешняя политика, международное коммунистическое движение, Коммунистическая партия Аргентины, военные режимы, монтонерос, холодная война.

A.A. Schelchkov**Unwilling Allies: The USSR, the Communist Party of Argentina, and the Military Dictatorship in Argentina, 1976–1983**

*Andrey Schelchkov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: sch2000@mail.ru*

Scopus Author ID: 57200153001; ORCID: 0000-0002-7780-781X; Researcher ID: T-8612-2018

The article was prepared within the framework of a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement № 075-15-2024-537).

Abstract. The author of this article aims to explore the complex and contradictory relationship between the Communist Party of Argentina, the Soviet Union, and the military regime in Argentina between 1976 and 1983. It was a period of right-wing military dictatorship domination in the region, characterised by outright terrorist policies against left-wing forces, mass violations of human rights, which put the International Communist Movement in an ambiguous position due to the USSR's close cooperation with the Argentine military junta. A unique situation of mutual interest between Soviet foreign policy and the military dictatorship developed in the USSR's relations with the military regime in Argentina. The most important factor in this contradictory situation was the position of the Communist Party of Argentina, supported by the CPSU, on co-operation with a regime that other communist parties and leftist forces qualified as fascist, ultra-reactionary, and anti-communist. The USSR found moral and political justification for its cooperation with the Argentine regime in the policies of local communists who supported the regime, justifying its repression of leftist radical movements, especially the Montoneros. The Argentine Communist Party justified its policy by referring to the junta's growing cooperation with the USSR. The article explores the reasons for this policy of the Communist Party, which caused tension in the international communist movement and the subsequent isolation of the Argentinian Communist Party. The specific political interests of the USSR were supported by the Argentine communists, who, in turn, saw in them a guarantee of their interests in the conditions of the harsh right-wing military regime in the country. For the first time in historiography, this paper, drawing on records from the archive of the CPSU Central Committee, documents the complex process of reconciling the USSR's economic and political interests in Argentina during this difficult period of the Cold War.

Keywords: Argentina, USSR, foreign policy, International Communist Movement, Communist Party of Argentina, military regime, Montoneros, Cold War.

Советско-латиноамериканские отношения в 1973–1983 гг. по-прежнему остаются малоизученной темой. Исследователь Р. Педемонте назвал этот период «годами молчания»¹. Особое место следует отвести советско-аргентинским отношениям после военного переворота 1976 г., перегруженным не только историческими противоречиями, но и серьезными моральными проблемами. В нашей историографии эта тема подробно не была изучена, а в аргентинской существующие исследования опирались в основном на опубликованные источники, что связано с недоступностью в прошлом советских архивов². Здесь мы претендуем представить документально подтвержденную картину, опираясь на материалы

¹ Pedemonte R. Una historiografía en deuda: las relaciones entre el continente latinoamericano y la Unión Soviética durante la Guerra Fría // *Historia Crítica*. 2015. № 55. P. 240.

² Следует упомянуть работы: Gilbert I. El oro de Moscú. Historia secreta de las relaciones argentino-soviéticas. Buenos Aires, 1994; Campione D. El Partido Comunista de Argentina y el golpe de 1976 // *Revista Herramienta*. URL: <http://www.rebelion.org/docs/24748.pdf> (дата обращения: 24.01.2022); Kozul P.R. La postura política del Partido Comunista Argentino entre los años 1976–1983. ¿Rumbo a una política errante o errante en una política sin rumbo? // *Revista Izquierdas*. Santiago de Chile. 2013. № 16. P. 75–94; Pedemonte R. Una historiografía en deuda: las relaciones entre el continente latinoamericano y la Unión Soviética durante la Guerra Fría // *Historia Crítica*. 2015. № 55. P. 231–254; Casola N. El PC argentino y la dictadura militar. Militancia, estrategia política y represión estatal. Buenos Aires, 2015.

архива международного отдела ЦК КПСС, находящиеся в Российском государственном архиве новейшей истории. Нас интересует взаимосвязь внешнеполитического курса СССР с политической линией Коммунистической партии Аргентины (КПА) в годы военной диктатуры, их влияние на ситуацию в международном коммунистическом движении (МКД).

Военному перевороту марта 1976 г. в Аргентине предшествовал бурный период, характеризующийся нарастающей неуправляемостью и политическим хаосом. После десятилетия военного правления в 1973 г. страна вернулась к конституционному режиму. На выборах победили перонисты, которые с 1955 по 1970 г. не допускались к участию в политике. В страну вернулся Х.Д. Перон, и после его смерти в 1974 г. пост президента заняла его вдова М.Э. Мартинес де Перон, при которой отмечалось вооруженное противостояние левых перонистов (монтонерос), выступавших за начало революции социалистического типа, и правого квазифашистского крыла той же партии, его представлял министр Х. Лопес Реги, стоявший за печально знаменитой террористической организацией «Аргентинский антикоммунистический альянс». В Аргентине в 1960—1970-е годы шел противоречивый процесс институционализации компартии в политической системе, отмеченный нарастанием антикоммунистической истерии³. Страх перед левой коммунистической угрозой, глубокий экономический кризис и политический хаос сделали неизбежным и даже желаемым большинством населения страны вмешательство военных.

После военного переворота в марте 1976 г. деятельность партий была приостановлена, но не запрещена. В июне 1976 г. были распущены и запрещены левые политические и профсоюзные организации, в то время как компартия продолжала действовать легально, хотя были поставлены вне закона некоторые организации, руководимые коммунистами. Компартия была парламентской партией, и ее деятельность должна была быть приостановлена, но не запрещена.

На следующий день после переворота, 25 марта 1976 г., КПА выпустила заявление: «КПА, хотя и не разделяет все положения официальных правительственных документов, не может не согласиться с ними, так как они совпадают с теми положениями ее программы, которые преследуют своей целью экономическую независимость, безопасность при сохранении суверенитета и социальной справедливости». Там же высказывалась надежда, что этот переворот не станет повторением предыдущих, чья направленность состояла лишь в сохранении латифундий, что вело только к усилению зависимости от империализма, а станет началом настоящих прогрессивных перемен. Партия призывала к национальному демократическому согласию в виде военно-гражданского правительства⁴.

Сразу после переворота в провинции были посланы эмиссары партии, чтобы как можно быстрее довести до сведения партийной массы позицию руководства. В некоторых районах коммунисты узнали об этой декларации и о позиции партии из передач московского радио еще до приезда делегатов из центра⁵. Членам партии рекомендовалось сотрудничать с властями, являться по повесткам, не скрываться и объявлять полиции и военным о своей принадлежности КПА, что, по идее, должно было служить гарантией от репрессий. Часто так оно и было, однако там, где местные военные власти возглавляли так называемые пиночетисты, репрессии обрушивались и на коммунистов. Так было в Кордобе, ею управлял «пиночетист» Л.Б. Менендеса⁶.

³ Богославский Э. La Federación Argentina de Entidades Democráticas Anticomunistas: el pánico moral en la Argentina de los años sesenta // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 5 (91). URL: <https://history.jes.su/s207987840010186-3-1/> (дата обращения: 24.01.2022). DOI: 10.18254/S207987840010186-3

⁴ Resoluciones y declaraciones. Año 1976/1977. Buenos Aires, 1978. P. 10—11.

⁵ Casola N. “¡Los comunistas no somos subversivos!”. El PC y la dictadura militar argentina (1976—1983) // ARCHIVOS de historia del movimiento obrero y la izquierda. 2013. № 2. P. 144.

⁶ В 2008 г. был осужден и приговорен к пожизненному заключению за преступления против человечности.

КПА стремилась сохранить свой партийный аппарат и структуры в национальном масштабе⁷. Аргентинские исследователи Х. Сернадас, О. Таркус и Р. Питталуга отмечали: «Хотя компартия после 1945 г. переживала различные сложные периоды, ее аппарат (по сравнению с политическим влиянием партии) достиг гигантских масштабов (что выразилось в числе партработников на зарплате, в недвижимости, иной собственности, в журналистском и издательском аппарате, во влиянии в банковско-кооперативном секторе). Это объясняло, как в политике партии в момент глубокого социально-политического кризиса в 1975–1976 гг. взяли верх интересы этого обширного слоя партфункционеров, стремившихся прежде всего защитить свои материальные интересы»⁸. Сверхзадачу по сохранению построенной структуры и «здания» партии отчасти можно объяснить частыми сменами нелегальности, подполья и полуполигальности в 1950–1960-е годы, поэтому самосохранение становилось приоритетным даже по сравнению со стратегическими политическими задачами.

Оценивая первый год диктатуры и подтверждая правильность выбранной политики, генеральный секретарь партии Х. Арнедо Альварес в беседе в советском посольстве заявил, что «КПА полностью сохранила свою структуру, партийные организации продолжают работать по увеличению своих рядов»⁹. Повышение числа членов партии было большим достижением и подтверждением правильности линии «конструктивного» сотрудничества с режимом.

В мае 1976 г. ЦК КПА принял доклад О. Гиольди «Обновленная демократия или пиночетизм», в котором утверждалось, что президент Х.Р. Видела¹⁰ не является представителем крайних групп в ВС, что противоречило заявлениям последнего о готовности перешагнуть через горы трупов «врагов национальной безопасности»¹¹. КПА держалась версии существования внутри ВС различных группировок, отдавая очевидное предпочтение умеренной «легалитской» во главе с Виделой, противопоставляя ей «пиночетистское» ультранационалистическое¹². Сам Видела в воспоминаниях отмечал, что военные еще до переворота договорились с компартией о поддержке, заверяя, что будут действовать против повстанческих групп, а не против коммунистов¹³.

Х.Р. Виделу и Р.Э. Виолу¹⁴ руководители компартии считали «умеренными», способными к диалогу, противостоящими «пиночетистам» во главе с Л.Б. Менендесом. В первой декларации после переворота КПА с одобрением высказалась о линии хунты, не пошедшей по пути «пиночетизма», хотя отмечалось, что такая опасность остается и следует быть готовыми противостоять этому¹⁵. КПА предлагала демократическим силам сплотиться для защиты военного режима. Наибольший энтузиазм вызвало интервью Виделы газете *Clarín* 30 января 1977 г. и его «Проект национального развития». Вслед за этим партия призвала все политические силы объединиться вокруг президента во имя реализации его планов¹⁶.

⁷ Cernadas J., Tarcus H. Las izquierdas argentinas y el golpe del 24 de marzo de 1976. Una selección documental // Políticas de la Memoria. 2006–2007. № 6/7. P. 31.

⁸ Cernadas J., Pittaluga R., Tarcus H. La historiografía del Partido Comunista de la Argentina. Un estado de la cuestión // El Rodaballo. 1998. № 8. P. 39.

⁹ Информация, 25 марта 1977 г. // Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 73. Д. 1833. Л. 24.

¹⁰ В 1985 г. был осужден за убийства, пытки и незаконное лишение свободы и приговорен к пожизненному заключению.

¹¹ Kozul P.R. Op. cit. P. 87.

¹² Resoluciones y declaraciones. P. 27–28.

¹³ Reato C. Disposición final. La confesión de Videla sobre los desaparecidos. Buenos Aires, 2012. P. 262.

¹⁴ В 1985 г. был осужден за убийства, пытки и незаконное лишение свободы и приговорен к 17 годам тюрьмы.

¹⁵ Resoluciones y declaraciones. P. 13.

¹⁶ Отношение Коммунистической партии Аргентины к военному правительству Х. Виделы, 19 февраля 1977 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 1832. Л. 24.

Ключевым человеком в контактах с военными руководителями страны, главным закулисным переговорщиком был один из лидеров КПА Ф. Надра¹⁷. Согласно советскому докладу о положении в КПА в 1977 г.: «Компартия проводила и проводит значительную политическую работу в вооруженных силах. В течение 1976 г. состоялось около 800 встреч на различном уровне между представителями КПА и вооруженных сил. Член исполкома ЦК КПА Р. Искарро в беседе с послом тов. С.П. Докаревым 20 января 1977 г. отмечал, что все эти встречи в подавляющем большинстве случаев носили дружественный характер. Контакты с военными умеренно-националистического толка приобрели особое значение, так как они помогали нейтрализовать репрессии против КПА со стороны реакционных элементов»¹⁸.

18–19 декабря 1976 г. в условиях подполья состоялся пленум ЦК КПА, на котором были представлены практически все региональные комитеты партии (41 человек). На нем была поддержана линия на достижение соглашения между гражданскими и военными. Коммунисты оставляли за собой право критики, но поддерживали Виделу перед лицом опасности со стороны «пиночетистов» в аргентинской армии. Но при этом часть членов ЦК на пленуме возложили именно на Виделу ответственность за террор, за исчезновения и убийства людей, что диссонировало с линией руководства¹⁹.

КПА поддерживала «антитеррористическую» политику военных против так называемых ультраправых²⁰. Не была новостью вражда компартии с революционной левой оппозицией, кого поддерживали «кубинские товарищи». Военные принимали решение по компартии, во многом исходя из неспособности КПА предпринять какие-либо революционные действия. Генерал К. Далья Теа впоследствии признавал: «У нас было общее согласие, что не надо запрещать КПА, чтобы недовольная молодежь уходила к этой партии, а не искала насильственных действий»²¹. КПА не называла режим фашистским и даже избегала термина «диктатура»²².

Поддержка режима компартией сыграла важную роль в создании образа диктатуры за рубежом как умеренного правительства, а декларации левых радикалов о геноциде и репрессиях выглядели преувеличенными. Позиция КПА в значительной степени повлияла на европейскую социал-демократию и через нее на политику их стран в отношении диктатуры. Только в 1979 г. после визита представителей Межамериканской комиссии по правам человека в страну этот образ был развеян, и международная общественность стала серьезно относиться к сообщениям об убийствах и исчезновениях людей в Аргентине²³. Коммунисты уже не могли закрывать глаза на явный политический террор, убийства и исчезновения людей. Они робко протестовали, а в разговорах с советскими товарищами говорили об «отсутствии правопорядка и законности» в стране²⁴. Им удавалось иногда отстоять некоторых своих арестованных руководителей и активистов, но, как и другим партиям, приходилось удовлетворяться этим и пассивно наблюдать за ходом репрессий.

Коммунисты высказывали надежду, что военный режим перейдет к демократическому транзиту, к воссозданию республиканских институтов. В 1977 г. О. Гиольди в интервью журналу «Латинская Америка» даже назвал Аргентину «демократическим оазисом», окруженным соседними государствами, где установлены фашистские диктатуры²⁵.

¹⁷ Запись беседы с членом Исполкома ЦК КПА Родольфо Гиольди, 9 октября 1977 г. // Там же. Д. 1833. Л. 87.

¹⁸ Отношение Коммунистической партии Аргентины к военному правительству Х. Виделы, 19 февраля 1977 г. // Там же. Д. 1832. Л. 20–21.

¹⁹ Запись беседы с 1-м советником посольства ВНР Миклошем Бернатом, 14 января 1977 г. // Там же. Д. 1834. Л. 31.

²⁰ Resoluciones y declaraciones. P. 12.

²¹ Gilbert I. Op. cit. P. 314.

²² Campione D. Op. cit.

²³ Casola N. El PC argentino y la dictadura militar. P. 184–185.

²⁴ Запись беседы с членом руководства аргентинских друзей Эктором Агости, 22 апреля 1977 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 1833. Л. 51.

²⁵ Интервью с членом Исполкома ЦК Компартии Аргентины Орестесом Гиольди // Латинская Америка. 1977. № 3. С. 126.

Руководство компартии чувствовало некоторую неловкость даже перед советскими товарищами за столь фронтальную поддержку режима, ибо это вступало в явное противоречие с декларируемыми принципами МКД и внешней политикой СССР. Руководство компартии, объясняя свою позицию в первый год диктатуры, убеждало советских товарищей, что Видела вот-вот объявит о транзите и восстановлении демократии, иначе все политические партии, в том числе и КПА, будут вынуждены изменить свою позицию и обратиться к мобилизации масс²⁶. Как мы уже знаем, этого так и не произошло, но и изменения позиции компартии также не было.

Коммунисты по всей стране проводили совещания с представителями других партий, в первую очередь с радикалами и перонистами, рассчитывая, что эти межпартийные контакты станут основой переходного военно-гражданского правительства²⁷. Эта линия на межпартийное объединение (*multipartidaria*) была определена до переворота и подтверждена в первой же декларации после него²⁸. Даже после поражения в Мальвинской войне, когда военное правительство доживало последние кризисные дни, КПА по-прежнему говорила о «переходном военно-гражданском правительстве», так как ни военные, ни гражданские отдельно не способны предложить решение проблем государства²⁹. По иронии судьбы, когда в момент кризиса военного режима *multipartidaria* была создана, компартию туда не пригласили.

Отношения КПА и режима не были безоблачными: сотни коммунистов пострадали от репрессий, были арестованы, их пытали, были убитые и пропавшие без вести³⁰. Партия протестовала против репрессий (как правило, перед местными военными или полицейскими властями), но при этом не критиковала сам режим. Советское посольство так комментировало политику КПА: «Руководство компартии, поддерживая политический курс виделистов, понимает, что Видела ведет с КПА двойную игру, но и “мы с ним по тактическим соображениям ведем тоже двойную игру”, — подчеркнул Арнедо. Он заметил, что партия работает в трудных условиях. За два года были арестованы сотни активистов, 109 человек пропали без вести, несколько раз взрывались бомбы около Центрального и местных комитетов КПА, проводились обыски партийных помещений»³¹. Эта двойная игра продолжалась до конца режима, и ни режим, ни компартия явно не выиграли в ней.

Если с КПСС у КПА было не только полное понимание, но и совпадение интересов, то с другими партиями возникла некоторая напряженность. Ввиду роста критики в левом лагере позиций компартии в отношении репрессивного режима КПА приняла решение создать в Европе Комитет своих представителей в Париже, Риме и Праге (журнал «Проблемы мира и социализма»), в задачу которого входило разъяснение своей позиции и в целом ситуации в Аргентине³². Даже выверенные формулировки в советской печати, в том числе и в научной, не полностью устраивали аргентинских коммунистов, которые представили в ЦК КПСС целый список претензий к ним. Надо признать, что советская сторона принимала соответствующие меры и снимала могущие вызвать недовольство «друзей» формулировки³³. Аргентинских коммунистов особенно раздражали советские публикации о латиноамериканском фашизме, в частности в газете «Правда» 5 апреля 1978 г.³⁴ Антифашизм составлял одну из основополагающих частей доктрины как компартии Аргентины,

²⁶ Запись беседы с членом исполкома ЦК КПА тов. Фернандо Надра, 9 марта 1977 г. // Там же. Оп. 73. Д. 1833. Л. 21.

²⁷ Casola N. El Partido Comunista argentino y la última dictadura militar. P. 51.

²⁸ Resoluciones y declaraciones. P. 12.

²⁹ Aguila G. El Partido Comunista Argentino entre la dictadura y la transición democrática (1976–1986) // Revista de la Historia Actual. Rosario. 2008. Vol. 6. № 6. P. 63.

³⁰ Ibid. P. 64.

³¹ Запись беседы с Генеральным секретарем КПА Херонимо Арнедо Альваресом, 29 марта 1978 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 75. Д. 1351. Л. 37.

³² Докладная записка в ЦК Болгарской коммунистической партии, 19 февраля 1976 г. // Там же. Оп. 73. Д. 1832. Л. 28.

³³ Записка В. Чернышова в ЦК КПСС, 15 марта 1978 г. // Там же. Оп. 75. Д. 1351. Л. 10; Запись беседы с членом Исполкома ЦК КПА тов. Оскаром Аревало, 1 февраля 1978 г. // Там же. Л. 12–15.

³⁴ Запись беседы с членом исполкома ЦК КПА т. Оскаром Аревало, 10 мая 1978 г. // Там же. Л. 54.

так и КПСС с середины 1930-х годов, что делало неприемлемыми всякие разговоры о фашистском характере военной диктатуры³⁵.

Если в Европе можно было убеждать товарищей в своей правоте и лучшем знании местных реалий, то с партиями соседних стран, также переживавших период военных диктатур, возникли большие трения. Прежде всего это касалось Уругвая. Аргентинские коммунисты высказывали недовольство деятельностью и идеями лидера компартии Уругвая Р. Арисменди о положении в Латинской Америке, о фашизме и тактике борьбы. Эта тема нашла отражение в речи Альвареса на декабрьском 1976 г. пленуме ЦК. Взрыв недовольства КПА вызвала статья Арисменди, опубликованная в Венгрии³⁶. Аргентинское руководство повсюду заявляло, что тезисы Арисменди не соответствуют действительности, и просило КПСС намекнуть ему, чтобы тот не вмешивался в дела аргентинской партии³⁷.

Подобное напряжение между компартиями соседних стран не устраивало Москву, всегда выступавшую за консолидацию МКД, а разногласия должны были решаться не публично, а в тиши московских кабинетов при обязательном посредничестве советских товарищей.

Советские партийные чиновники настояли на встрече в Москве лидеров партий Южного конуса, главной темой которой была особая позиция аргентинских коммунистов в отношении диктатуры. На встрече, модеримуемой советскими коллегами, присутствовали Р. Искарот КПА, Л.К. Престес (Бразилия), Л. Корвалан (Чили) и Р. Арисменди (Уругвай). В итоге Арисменди не удовлетворился объяснениями, хотя и признал, что КПА лучше разбирается в местной ситуации, и он одобрительно воспринял информацию Искарот³⁸. Внешне конфликт был улажен. Помимо уругвайцев, критическую позицию в отношении КПА заняли чилийские коммунисты, после переворота 1973 г. сильно изменившие свои стратегические установки. Если лично Корвалан избегал критики в адрес КПА, то в самой партии звучала острая критика аргентинцев³⁹.

Проблемы были с позицией кубинцев, которые также критиковали КПА, прежде всего за их крайне негативную позицию по отношению к левым организациям, которым покровительствовали в Гаване⁴⁰. КПА жаловалась на кубинцев в советское посольство. Однако эти жалобы были напрасными, советские власти уважали идейно-политические пристрастия Кубы, корни которых восходили к началу их революции и бурным 1960-м. Этот вопрос выходил за рамки возможного влияния КПСС, так как для этого следовало задействовать первых лиц, а сами противоречия не представлялись столь острыми для СССР.

Сложной проблемой не только для КПА, но и для Москвы оставался террор против левых повстанческих групп, важнейшей из которых была левоперонистская организация монтонерос. Их лидер М. Фирменич при содействии Кубы до переворота побывал в Москве, постоянно заявлял о своих симпатиях СССР и верности марксизму-ленинизму⁴¹. После переворота в мае 1976 г. советские дипломаты провели совещание с кубинскими коллегами, которые их проинформировали о ситуации в движении монтонерос. Фирменич постоянно находился в контакте с кубинцами. Он сообщал о готовности вести вооруженную борьбу с режимом, что его движение располагает 5 тыс. бойцов, их годовой бюджет составляет 14 млн долл., а общий фонд более 70 млн. Фирменич предлагал в который раз информировать

³⁵ Casola N. El PC argentino y la dictadura militar. P. 4.

³⁶ Запись беседы с советником посольства ГРД в Аргентине Эрихом Хемпелем, 13 января 1977 г. // РГНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 1834. Л. 28.

³⁷ Запись беседы с политическим ответственным по вопросам культуры ЦК КПА Франсиско Линаресом, 31 мая 1977 г. // Там же. Д. 1833. Л. 54.

³⁸ Запись беседы с политическим ответственным по вопросам культуры ЦК КПА Франсиско Линаресом, 31 мая 1977 г. // Там же. Л. 55.

³⁹ Запись беседы с членом Исполкома ЦК КПА тов. Оскаром Аревало, 1 февраля 1978 г. // Там же. Оп. 75. Д. 1351. Л. 15.

⁴⁰ Запись беседы с политическим ответственным по вопросам культуры ЦК КПА Франсиско Линаресом, 31 мая 1977 г. // Там же. Оп. 73. Д. 1833. Л. 55.

⁴¹ Gilbert I. Op. cit. P. 305.

советское посольство о планах и действиях движения, но советские дипломаты уклонились от ответа⁴². Советские службы предпочитали действовать через кубинцев, не подвергая опасности ни свои хорошие отношения с режимом, ни «друзей» (коммунистов). Кубинские дипломаты доставляли в посольство материалы (записи выступлений Фирменича, документы монтерос и других левых радикалов), которые переправлялись в ЦК КПСС. Кубинцы стремились привлечь СССР к оказанию помощи «левакам», но советская сторона предпочитала оставить им шефство над этим флангом левых партий и групп в Латинской Америке⁴³.

В августе 1977 г. Альварес обратился в советское посольство в связи с проблемой монтерос. Он сетовал, что монтерос в Европе опираются на поддержку компартий Италии и Испании, а на пресс-конференции монтерос в Мексике присутствовали представители СССР и ЧССР, что поставило под удар позицию КПА в Аргентине. Компартия была вынуждена решительно осудить монтерос в специальном заявлении, которое было опубликовано в самых реакционных газетах. Беспокойство КПА было вызвано тем, что «пиночетисты» считали ее вдохновителем монтерос и других «левых экстремистов», призывая запретить компартию.

КПА искала пути решения этого кризиса. Надра сообщал, что «было решено через доверительное лицо, находящееся в окружении президента Х. Виделы, направить ему письмо, в котором еще раз разъяснялась позиция друзей [коммунистов] по отношению к деятельности террористических организаций, и в частности монтерос, в связи с сообщениями в печати об упомянутых эпизодах в Мексике»⁴⁴. В этом письме лидеры КПА указывали, что поддерживают его курс, а также просили расследовать, кто инспирирует кампанию в прессе против коммунистов, а значит, и против курса правительства⁴⁵. Это был конфиденциальный документ (сразу же поступивший в распоряжение советского посольства), выдержанный в верноподданническом духе.

КПА возлагала вину на Кубу. Альварес, прося поддержки Москвы, отмечал: «Кубинцы принимают меры, чтобы связать монтерос с компартиями Италии, Испании, Португалии, Мексики, представляя их как революционеров... В действительности лидер монтерос Фирменич является сомнительным лицом. Это право настроенный националист, фашист»⁴⁶. Более того, лидеры КПА утверждали, что именно из-за деятельности монтерос в стране произошел переворот 1976 г.⁴⁷ Альварес пытался переубедить кубинцев относительно монтерос, но ему это не удалось, надежда оставалась только на предстоящую встречу с Ф. Кастро в Гаване.

Встреча Кастро с Альваресом на Кубе во многом разочаровала последнего. Стороны клялись в дружбе и взаимной поддержке. На острый вопрос о монтерос Фидель заявил, что «кубинское руководство не оказывает содействия террористической организации монтерос». В том, что это не так, Альварес убедился, увидев своими глазами, как много членов этой группы находится на Кубе, а видные кубинские чиновники не скрывали своих симпатий монтерос, о чем они напрямую заявляли аргентинскому «товарищу». После поездки руководители КПА с сарказмом рассказали об этом в советском посольстве⁴⁸. Кубинская позиция была крайне неудобна КПА, так как последняя не могла по многим причинам открыто критиковать ее, а особое положение Кубы в коммунистическом движении на

⁴² Запись беседы с советником посольства Кубы Хусто Эрнандесом де Мединой, 21 мая 1976 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 2832. Л. 45–47.

⁴³ Запись беседы с первым секретарем посольства Кубы тт. Роберто К. Карбрера Барриос и Густаво Эрнандес Перес, 16 марта 1977 г. // Там же. Оп. 73. Д. 1834. Л. 50.

⁴⁴ Запись беседы с членом исполкома ЦК КПА тов. Фернандо Надра, 3 августа 1977 г. // Там же. Д. 1833. Л. 70–71.

⁴⁵ Перевод письма от 20 июля 1977 г. // Там же. Л. 75–77.

⁴⁶ Запись беседы с генеральным секретарем ЦК КПА тов. Арнедо Альваресом, 3 августа 1977 г. // Там же. Л. 65–68.

⁴⁷ Запись беседы с членом руководства аргентинских друзей Фернандо Надра, 14 сентября 1977 г. // Там же. Л. 84.

⁴⁸ Запись беседы с членом исполкома ЦК КПА Родольфо Гиольди, 9 октября 1977 г. // Там же. Л. 87–89.

континенте в 1970—1980-е годы превращало эти расхождения в некоторую неформальную, но изоляцию КПА среди латиноамериканских партий. В позиции Кубы ничего не менялось, и в 1979 г. во время празднования 20-й годовщины Кубинской революции, несмотря на все просьбы аргентинцев, Кастро не принял Альвареса, целый месяц ожидавшего этого на Кубе. Это был период острого кризиса отношений с КПА⁴⁹.

В свою очередь, кубинцы резко отзывались о КПА и пытались убедить советских товарищей в своей правоте. Они осуждали позицию КПА, сожалели, что компартии социалистических стран, и КПСС в том числе, следуя просьбам КПА, отказываются от контактов с монтонерос⁵⁰. Кубинцы просили советских товарищей встретиться с находившимся на Кубе Фирменичем, заверяя, что их задача наладить диалог всех левых сил⁵¹. Для советских дипломатов кубинцы были проблемой, так как общая линия соцстран на экономическое сотрудничество могла стать заложницей идеологических и политических установок кубинцев в Аргентине.

Кубинцам все же удалось добиться в апреле 1978 г. приема Фирменича в советском посольстве в Гаване, что было сделано с соблюдением всех элементов секретности. Фирменич убеждал, что его движение пользуется огромным влиянием в обществе, и при проведении выборов оно наверняка получило бы 21—22% голосов.

Об отношениях с КПА Фирменич говорил так: «И в прошлом компартия допускала много ошибок в своей политике, но теперь ее политика еще хуже». А вот с КПСС монтонерос хотели бы иметь «стабильные отношения». Это нужно и КПСС с учетом будущего, так как сейчас аргентинские трудящиеся не понимают, почему СССР поддерживает экономическое сотрудничество с реакционным правительством Виделы⁵². Однако этот намек на будущее и роли в нем монтонерос не впечатлил советских товарищей, хотя в поддержку своей правоты Фирменич ссылаясь на частые встречи с Кастро и другими кубинскими руководителями, поддерживающими именно его движение, а не КПА. Фирменич откровенно объяснил свое стремление к установлению отношений с СССР тем, что последние оказывают большое влияние на такие государства, как Алжир и Ливию, которые в случае благосклонности Москвы могли бы оказывать монтонерос поддержку, в том числе и оружием⁵³.

Другой проблемой было движение солидарности с политическими заключенными латиноамериканских диктатур. В Москве по этому поводу было проведено совещание и предложено создать постоянный комитет, что напоминало коминтерновскую Международную организацию помощи борцам революции. КПА идею комитета не поддержала. После совещания кубинцы продолжали настаивать на создании постоянно действующего комитета, и эта тема вновь возникла на совещании партий во время Гаванского фестиваля молодежи. Тогда аргентинцы согласились, но при условии, что кубинцы не будут использовать комитет в пользу монтонерос⁵⁴.

В СССР внимательно следили за эволюцией монтонерос, которые заявляли о принятии марксизма-ленинизма и разрыве с перонизмом, а главным противоречием с КПА был выбор тактики противостояния военному режиму. Любопытны выводы и рекомендации экспертов в «аналитической записке» 1978 г. в международный отдел ЦК КПСС: «Надо отметить, что свои разногласия с компартией монтонерос не выражают в резкой форме,

⁴⁹ Запись беседы с послом Болгарии П. Карадионовым, 10 апреля 1979 г. // Там же. Оп. 76. Д. 1209. Л. 15.

⁵⁰ Запись беседы с членом руководства КПА Атосом Фава, 10 июля 1978 г. // Там же. Оп. 75. Д. 1350. Л. 67.

⁵¹ Запись беседы с генеральным секретарем перонистского движения Монтонерос Марио Фирменичем, 19 апреля 1978 г. // Там же. Д. 1351. Л. 45.

⁵² Запись беседы с первым секретарем посольства Кубы Роберто Кабрера Барриос, 16 ноября 1977 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 1834. Л. 114.

⁵³ Запись беседы с первым секретарем партии Монтонерос, главнокомандующим вооруженными силами монтонерос Марио Фирменичем, 19 ноября 1978 г. // Там же. Оп. 75. Д. 1351. Л. 79.

⁵⁴ Запись беседы с членом исполкома ЦК КПА тов. Оскаром Аревало, 1 февраля 1978 г. // Там же. Оп. 75. Д. 1351. Л. 15.

не отрицают возможности единства левых сил. В то же время нельзя не отметить, что аргентинские коммунисты, правильно критикуя монтонерос за националистические взгляды и уклоны, в то же время занимают чрезмерно жесткую позицию, не учитывая во всем объеме изменения, происходящие в рядах этой организации, рост ее международного авторитета в рядах левых сил в различных странах, в частности Италии и Испании»⁵⁵. В СССР понимали, что рано или поздно военные уступят власть и что не следует занимать слишком категорические позиции в отношении левой оппозиции, несогласной с КПА. К тому же политика КПА уже не представлялась безупречной, о чем постоянно напоминали видные лидеры латиноамериканской иммиграции в Москве.

В КПА были обеспокоены общим настроением недопонимания ее политики. Руководители КПА просили содействия КПСС в организации разъяснительной кампании в партийной и дружественной прессе в Европе. С этой целью в 1979 г. была организована поездка секретаря ЦК КПА А. Фавы в Европу⁵⁶. Аргентинская компартия, всегда самая лояльная КПСС и претендующая на ведущую роль на континенте, в годы диктатуры если и не оказалась в изоляции, то выглядела одинокой среди своих соратников из соседних стран, находилась под постоянным прессом критики и обвинений в оппортунизме и даже малодушном предательстве интересов социализма и рабочего класса. КПСС стоило больших трудов смягчать эту критику, отводить ее и от себя самой, сохраняя баланс сил в МКД, переживавшем не лучшие времена.

Не отрицая важности партийного «фронта» в советско-аргентинских отношениях, главной проблемой было сохранение достигнутого уровня межгосударственных связей и коммерческих интересов. В первых же документах хунта заявила о приверженности ценностям западной, христианской цивилизации, верности принципам независимости и суверенитета страны⁵⁷. Декларировалась также задача противостоять проникновению и подрывной деятельности марксистских сил на континенте. При этом хунта не собиралась жертвовать экономическими выгодами сотрудничества с социалистическими странами⁵⁸.

Политическая оценка военного режима в Аргентине в первом докладе посольства соответствовала типичным установкам советской идеологии: подчеркивалось стремление властей помешать усилению влияния коммунистов в рабочем движении и указывалось, что «за спиной военных стояли иностранные монополии и земельная олигархия»⁵⁹. Через месяц после переворота советский посол был принят в МИД Аргентины, где были произнесены все необходимые заявления о важности сотрудничества. Военные заверяли о заинтересованности в реализации многочисленных проектов, начатых или намеченных еще предыдущими правительствами. Советский посол подчеркнул, что СССР занимает первое место во внешней торговле Аргентины, и настаивал на реализации предыдущих договоренностей, а также на разрешении открытия представительств различных советских внешнеторговых организаций. Также был сделан запрос на проведение в Буэнос-Айресе торгово-промышленной выставки СССР⁶⁰. Все эти заверения и планы должны были демонстрировать, что политические изменения в Аргентине не влияли на линию расширения сотрудничества.

Генерал Виола, сменивший Виделу на посту президента в 1981 г., уже после падения диктатуры вспоминал: «Главное в нашем процессе была борьба с коммунизмом. Естественно,

⁵⁵ Аналитическая записка, 1978 г. // Там же. Оп. 75. Д. 1349. Л. 64.

⁵⁶ Запись беседы с членом исполкома ЦК КПА Рубеном Искарро, 25 апреля 1979 г. // Там же. Оп. 76. Д. 1210. Л. 34.

⁵⁷ Documentos básicos y bases políticas de las Fuerzas Armadas para el proceso de la Reorganización Nacional. Buenos Aires, 1980. P. 8.

⁵⁸ Russell R. Argentina y la política exterior del régimen autoritario (1976–1983): una evaluación preliminar. // Estudios Internacionales. 1984. № 17 (66). P. 173.

⁵⁹ Деятельность профсоюзов Аргентины в условиях военного режима, 2 июня 1976 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 2831. Л. 12.

⁶⁰ Запись беседы с министром иностранных дел Аргентины контр-адмиралом Сесаром Аугусто Гуссетти, 30 апреля 1976 г. // Там же. Д. 2832. Л. 40.

не должно было быть тесных отношений с Москвой. Однако, несмотря на это, международная ситуация нас принудила иметь соответствующие отношения с Россией, которая тогда была главным покупателем нашего экспорта». Со временем СССР даже стали рассматривать как союзника⁶¹.

Военные были убеждены в выгодности для режима позиции компартии. Видела утверждал, что терпимое отношение военных к КПА обеспечило им жизненно важные связи с СССР, прежде всего экономические, учитывая проблемы с европейским рынком из-за протестов в связи с нарушением прав человека в Аргентине⁶². На момент переворота экономические отношения успешно развивались, но тогда еще не достигли критически важного для обеих стран уровня, что в отношении СССР произошло после ввода войск в Афганистан в 1979 г. Позиция же компартии определилась уже в 1976 г. и практически не менялась вплоть до 1981 г.

Важным элементом советской политики, что учитывали коммунисты других стран, было создание определенных образов в общественном мнении СССР в отношении явлений международной жизни, революционной борьбы за социализм. В середине 1970-х годов в советской пропаганде утвердились тезисы о фашистской природе латиноамериканских диктатур, главным примером которой был режим Пиночета в Чили. Бразильская, боливийская и уругвайская диктатуры местными коммунистами объявлялись фашистскими или военно-фашистскими. В общественных и научных кругах шла политическая, хотя и в форме академической, дискуссия о природе правых диктатур и фашизме в Латинской Америке⁶³. В советской непропагандистской, научной литературе, в аналитических справках самым широко применяемым термином к диктатурам в Южном конусе был «правовластный режим фашистского типа»⁶⁴.

Выработка характеристик, по которым режим признавался фашистским, носила не только академический характер. Для СССР и МКД, где VII конгресс Коминтерна и речи Димитрова были своего рода священным писанием, принятие характеристики «фашизм» в отношении политического режима требовало соответственно принципиальной антифашистской политики фронтального противостояния. Если с Чили было все просто, отношения были прерваны, а позиция осуждения пиночетовского режима была принципиальной и категоричной, то в отношении таких стран, как Боливия или Бразилия, политика СССР выглядела двусмысленной ввиду нараставшего экономического сотрудничества. Эта проблема была нетривиальной прежде всего для внутренней идеологической последовательности в СССР. Аргентинский случай добавлял сложностей.

Заявления аргентинских коммунистов, что военные в их стране перестали быть антикоммунистами, служили оправданием советскому исключительно прагматическому желанию развивать экономическое сотрудничество⁶⁵. Из советской печати исчезли все упоминания об аргентинской диктатуре, а в специализированных изданиях («Проблемы мира и социализма», журнал «Латинская Америка») слово предоставлялось самим аргентинским коммунистам, излагавшим вполне устраивающую КПСС и внешнеполитическое ведомство СССР версию. Этот факт подчеркнул в беседе с адмиралом Массерой⁶⁶ советский посол: «Советские органы информации, отражая доброжелательное отношение советского народа к народу Аргентины, комментируют сообщения иностранных и аргентинских агентств с предельной

⁶¹ Gilbert I. Op. cit. P. 317–318.

⁶² Reato C. Op. cit. P. 263.

⁶³ Эта ставшая знаменитой дискуссия была опубликована в журнале «Латинская Америка» в 1975 г. еще до переворота в Аргентине.

⁶⁴ Справка ИЛА АН СССР, 13 июня 1977 г. // РГАН. Ф. 5. Оп. 73. Д. 1831. Л. 73.

⁶⁵ Запись беседы с аргентинским историком марксистов Леонардо Пасо, 22 апреля 1976 г. // Там же. Оп. 69. Д. 2832. Л. 43.

⁶⁶ В 1985 г. был осужден за убийства, пытки и незаконное лишение свободы, приговорен к пожизненному заключению.

осторожностью и деликатностью, не задевая престижа дружественного государства»⁶⁷. Иными словами, Москва закрывала глаза на террор и репрессии диктатуры в Аргентине.

КПА всегда была большим энтузиастом развития экономических связей между Аргентиной и СССР, другими социалистическими странами. Экономическое присутствие СССР в стране давало КПА дополнительный рычаг влияния и даже предоставляло некую гарантию от репрессий со стороны диктатуры. Руководители молодежной федерации коммунистов прямо заявляли в посольстве, что военные понимают, что «Аргентина поддерживает выгодные ей торговые отношения со странами социалистического мира, которые воздерживаются от резкой критики военного режима, в связи с чем поставить вне закона компартию и ФКМА»⁶⁸ означало бы подорвать эти отношения и способствовать изоляции Аргентины на международной арене»⁶⁹.

Резкое увеличение взаимной торговли Аргентины и СССР произошло в 1980 г., когда США объявили бойкот СССР после ввода войск в Афганистан, но Аргентина отказалась присоединиться к эмбарго, и торговля с СССР достигла рекордных показателей⁷⁰. В те годы на СССР приходилось около 42% всего экспорта Аргентины, в том числе и 80% зерновых⁷¹. Важным аспектом этой торговли было положительное сальдо в пользу Аргентины в 2 млрд 985 млн долл.⁷² Между тем, не желая идти на серьезный конфликт с США, режим присоединился к бойкоту московской олимпиады.

Будет неверным считать советско-аргентинские отношения безоблачными. Были и серьезные конфликты. Так, в сентябре 1977 г. в южной Атлантике аргентинские военные арестовали несколько советских и болгарских рыболовецких судов, якобы находившихся в 200-мильной зоне Аргентины. Затем последовал арест и штраф, хотя советская сторона настаивала, что суда находились вне 200-мильной зоны. Советское посольство через коммунистов прозондировало настроения военных по этому инциденту⁷³. Реакция советских властей была умеренной, на уровне министерства рыбного хозяйства СССР, заявившего, что инцидента можно было избежать, если бы аргентинская сторона проявила порядочность и такт⁷⁴. Конфликт был улажен уплатой штрафа.

В действительности не было никаких политических симпатий или даже нейтральных отношений между режимами в СССР (а значит, и их местной «агентуры» — КПА) и в Аргентине. Военные власти препятствовали распространению и даже запрещали некоторые советские издания, в том числе и художественную литературу, фильмы, выступления художественных коллективов, ограничениям подвергался журнал АПН *Novedades*, буклеты и альбомы промышленной выставки. Как отмечали в советском посольстве, после некоторого периода умеренности и тишины в прессе в 1977 г. резко возросло число антисоветских публикаций⁷⁵. В СССР ситуация была сложнее. Властям не хотелось создавать некоторого диссонанса между пропагандой, информацией и реальной политикой экономического сотрудничества с реакционной диктатурой, поэтому, в отличие от кампаний солидарности и разоблачений преступлений чилийского режима, аргентинская диктатура обходилась молчанием.

⁶⁷ Информация от 27 марта 1977 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 1834. Л. 46.

⁶⁸ Федерация коммунистической молодежи Аргентины.

⁶⁹ Запись беседы с членами руководства Федерации коммунистической молодежи Аргентины, 9 декабря 1976 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 1834. Л. 6.

⁷⁰ Об афганском кризисе, союзниках и противниках СССР см.: *Рабуш Т.В.* Союзники СССР и советская политика в Афганистане в 1980-е годы // Новая и новейшая история. 2021. № 3. С. 185–201. DOI: 10.31857/S013038640012271-6

⁷¹ *Яковлева Н.М., Яковлев П.П.* Россия — Аргентина: история и современность. М., 2017. С. 23.

⁷² *Casola N.* El PC argentino y la dictadura militar. P. 66.

⁷³ Запись беседы с членом исполкома ЦК КПА Родольфо Гиольди, 9 октября 1977 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 1833. Л. 87.

⁷⁴ Латинская Америка. 1978. № 1. С. 19.

⁷⁵ О некоторых тенденциях антикоммунистической и антисоветской пропаганды в Аргентине, 24 января 1977 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 1832. Л. 7–11.

В литературе существует убеждение, что особенность позиции КПА по отношению к диктатуре объясняется заинтересованностью СССР в экономических отношениях с Аргентиной и растущим сотрудничеством двух стран. Как писала Н. Касола, факт сохранения дипломатических и экономических отношений с СССР служил для КПА доказательством того, что в Аргентине нефашистский режим⁷⁶. Но и для СССР сотрудничество коммунистов с режим было прекрасным оправданием своей внешнеэкономической политики. Сохранение и даже улучшение отношений с СССР было для КПА символом иного характера режима, так как это был разрыв шаблона, сложившегося в годы холодной войны, когда вслед за право-реакционным переворотом всегда следовало прекращение отношений с СССР⁷⁷.

С приходом к власти в США в 1977 г. Дж. Картера правозащитная повестка американской внешнеполитической линии подтолкнула военный режим в Аргентине в объятия СССР. Антикоммунистическая кампания внутри страны сочеталась с сотрудничеством советской и даже кубинской дипломатии на международных площадках, где те также подвергались жесткой критике со стороны США, а ответом и аргентинцев, и социалистических стран было указание на вмешательство в свои внутренние дела. Парадоксально, СССР стал главным защитником аргентинского военного режима в международных организациях перед лицом обвинений в нарушении прав человека. Выступая в советском посольстве в 1977 г., Альварес неадекватно сравнил международную правозащитную деятельность, поддерживаемую правительством Дж. Картера, направленную против СССР и против Аргентины, назвав ее лживой и лицемерной⁷⁸. Во время встречи советского посла с адмиралом Массерой собеседники были едины в осуждении кампании США по защите прав человека как формы вмешательства во внутренние дела⁷⁹.

Некоторое время, до прихода к власти Л. Галтиери в 1981 г., аргентинский военный режим был ситуационным союзником СССР, активизировав свое участие в Движении неприсоединения, наращивая экономическое сотрудничество с Москвой. Галтиери, в отличие от Виделы или Виолы, был проамериканским деятелем внутри хунты, и при нем политические контакты были заморожены, и только начало Мальвинской войны привело к интенсивным, но краткосрочным контактам с СССР.

Н. Касола утверждала, что, с одной стороны, КПА опиралась на отношения с СССР для давления на военных при защите своих членов от репрессий, а с другой — военные использовали публичные заявления коммунистов в поддержку режима для своего оправдания перед лицом обвинений в нарушении прав человека⁸⁰. Это мнение вполне подтверждается документами ЦК КПСС.

Проблема прав человека была самым неудобным и сложным вопросом для внешней политики СССР и для международной линии КПСС. Эта тема затрагивала глубинные, этические проблемы, которые было невозможно прикрить традиционной риторикой и классовым подходом. Учитывая вполне последовательную линию КПСС в отношении чилийского или парагвайского режимов, единственным спасением для советской политики и ее международного образа была позиция аргентинской компартии, принимавшей на себя моральный груз поддержки диктатуры и отказа ее осуждения не только внутри коммунистического движения, но и на международной арене. Тем не менее даже внутри СССР, где можно было задавать нужную повестку дня, КПСС выбирало позицию замалчивания или передавала слово своим аргентинским соратникам, КПА.

На первом этапе после переворота советские наблюдатели и дипломаты однозначно оценивали военный режим как реакционное правительство, стоящее на службе иностранных монополий и землевладельческой олигархии, а главное — враждебное рабочему классу.

⁷⁶ Casola N. El PC argentino y la dictadura militar. P. 53.

⁷⁷ Scooco M. El Partido Comunista argentino y sus organizaciones de masas en relación con el movimiento de derechos humanos // ARCHIVOS de historia del movimiento obrero y la izquierda. 2019. № 15. P. 105.

⁷⁸ Информация, 25 марта 1977 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 1833. Л. 24.

⁷⁹ Информация от 27 марта 1977 г. // Там же. Д. 1834. Л. 47.

⁸⁰ Casola N. El PC argentino y la dictadura militar. P. 54.

Но затем акценты сместились. В случае с аргентинским военным режимом сложилась уникальная ситуация взаимной заинтересованности и взаимной обусловленности позиций местных коммунистов, советской внешней политики и военной диктатуры. Позиция КПА была неслучайной, а явилась результатом не только политической целесообразности в глазах партийной бюрократии, но и соответствовала реформистской стратегии партии, укоренившейся в предыдущие десятилетия. Конкретные политические интересы СССР находили поддержку аргентинских коммунистов, которые, в свою очередь, опирались на символический капитал отношений с советской страной как некую гарантию своих интересов, понимаемых как сохранение партийной бюрократии и партийных структур. Моральные издержки циничного прагматизма пришлось оплачивать КПА, в то время как для СССР мало что изменилось с падением военного режима и восстановлением демократии.

Библиография / References

Богославский Э. La Federación Argentina de Entidades Democráticas Anticomunistas: el pánico moral en la Argentina de los años sesenta // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 5 (91). URL: <https://history.jes.su/s207987840010186-3-1/> (дата обращения: 24.01.2022). DOI: 10.18254/S207987840010186-3

Рабуш Т.В. Союзники СССР и советская политика в Афганистане в 1980-е годы // Новая и новейшая история. 2021. № 3. С. 185–201. DOI: 10.31857/S013038640012271-6

Яковлева Н.М., Яковлев П.П. Россия – Аргентина: история и современность. М., 2017.

Bogoslavskii E. La Federación Argentina de Entidades Democráticas Anticomunistas: el pánico moral en la Argentina de los años sesenta // Elektronnyinauchno-obrazovatel'nyjzhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educationalJournal "History"]. 2020. T. 11. Vyp. 5 (91). URL: <https://history.jes.su/s207987840010186-3-1/> (access date: 24.01.2022). DOI: 10.18254/S207987840010186-3 (In Russ.)

Iakovleva N.M., Iakovlev P.P. Rossiia – Argentina: istoriia i sovremennost' [Russia – Argentina: History and Modernity]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Rabush T.V. Soiuzniki SSSR i sovetskaiia politika v Afganistane v 1980-e gody [Allies of the USSR and Soviet policy in Afghanistan in the 1980s] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 3. S. 185–201. DOI: 10.31857/S013038640012271-6 (In Russ.)

Águila G. El Partido Comunista Argentino entre la dictadura y la transición democrática (1976–1986) // Revista de la Historia Actual. Rosario. 2008. Vol. 6. № 6. P. 57–69.

Campione D. El Partido Comunista de Argentina y el golpe de 1976 // Revista Herramienta. URL: <http://www.rebellion.org/docs/24748.pdf> (access date: 24.01.2022).

Casola N. “¡Los comunistas no somos subversivos!”. El PC y la dictadura militar argentina (1976–1983) // ARCHIVOS de historia del movimiento obrero y la izquierda. 2013. № 2. P. 133–156.

Casola N. El Partido Comunista argentino y la última dictadura militar. La cuestión de la legalidad // Contracorriente. Una revista de historia social y literatura de América Latina. 2016. Vol. 13. № 2. P. 37–69.

Casola N. El PC argentino y la dictadura militar. Militancia, estrategia política y represión estatal. Buenos Aires, 2015.

Cernadas J., Pittaluga R., Tarcus H. La historiografía del Partido Comunista de la Argentina. Un estado de la cuestión // El Rodaballo. 1998. № 8. P. 31–40.

Cernadas J., Tarcus H. Las izquierdas argentinas y el golpe del 24 de marzo de 1976. Una selección documental // Políticas de la Memoria. 2006–2007. № 6/7. P. 29–78.

Documentos básicos y bases políticas de las Fuerzas Armadas para el proceso de la Reorganización Nacional. Buenos Aires, 1980.

Gilbert I. El oro de Moscú. Historia secreta de las relaciones argentino-soviéticas. Buenos Aires, 1994.

Kozul P.R. La postura política del Partido Comunista Argentino entre los años 1976–1983. ¿Rumbo a una política errante o errante en una política sin rumbo? // Revista Izquierdas. Santiago de Chile. 2013. № 16. P. 75–94.

Pedemonte R. Una historiografía en deuda: las relaciones entre el continente latinoamericano y la Unión Soviética durante la Guerra Fría // Historia Crítica. 2015. № 55. P. 231–254.

Reato C. Disposición final. La confesión de Videla sobre los desaparecidos. Buenos Aires, 2012.

Resoluciones y declaraciones. Año 1976/1977. Buenos Aires, 1978.

Russell R. Argentina y la política exterior del régimen autoritario (1976–1983): una evaluación preliminar. // Estudios Internacionales. 1984. № 17 (66). P. 170–201.

Scooco M. El Partido Comunista argentino y sus organizaciones de masas en relación con el movimiento de derechos humanos // ARCHIVOS de historia del movimiento obrero y la izquierda. 2019. № 15. P. 99–118.